

Пролог

Пустая комната с глухими стенами без окон. В центре мужчина в угольно-черном смокинге, подчеркивающим его могучие плечи. У ног мужчины — стеклянная бутылка, рядом коробок спичек.

Некоторые зрители, случайно наткнувшись на это видео тем вечером, тут же его и закрыли, решив, что это реклама или спам. Однако многие все же продолжили смотреть — то ли их заинтриговал официальный костюм неизвестного, то ли жесткий блеск в его глазах. Мужчина назвал свое имя и возраст. Объяснил, почему собрался сделать то, что сейчас сделает, насколько долго и серьезно он обдумывал свое решение. Почему не хочет жить еще две сотни лет. Он заявил, что его семья здесь ни при чем и что для такого случая он решил надеть парадный костюм.

Покончив со вступлением, мужчина поднял с пола бутылку и поднес ее к губам. Он пил, и его кадык ходил ходуном на мощной шее. Опорожнив сосуд, он уставился на свою невидимую аудиторию.

— Нам не оставляют выбора, — сказал он наконец. — «Алмазная кожа», «Твердые мышцы». Заменители! Только вспомните, насколько было легче, когда ты мог просто перерезать себе запястья кухонным ножом и смотреть, как жизнь вытекает из вен.

Зрители понаблюдательнее могли заметить, что теперь у него из уголка рта стекает прозрачная жидкость.

— Мы должны это изменить! У нас крадут смерть и тем самым крадут нашу жизнь.

Он чиркнул спичкой. Ее пламя задрожало в холодном люминесцентном свете.

— Нам не оставляют выбора.

Мужчина высунул язык и поднес к нему горящую спичку. Пламя на мгновение замерло, будто в нерешительности. Но тут он сделал вдох, и огонь ярко вспыхнул, принялся расти, наполняя пропитанную алкоголем полость рта, устремляясь вниз, в горло, и вверх, в носовые каналы. Больше говорить мужчина уже не мог.

Глава первая

Огромный многоярусный торт, расписанный масляным кремом и украшенный крошечными красными цветами, стоял на стеклянном пьедестале. Казалось, что он парит в воздухе над заполнявшим комнату народом.

Гости это произведение искусства не обсуждали и, уж конечно, не рассматривали. Однако то и дело кто-нибудь задерживался у стола с напитками чуть дольше, чем это требовалось, чтобы выбрать одну из предложенных разнообразных шипучек, и украдкой косился на торт.

Тодд, стоя, как ему и полагалось, рядом с Лией, держал в руке изящный бокал с ликером бледного цвета.

— Чудесная вечеринка! — он кивнул, будто отвечая на чей-то вопрос, и повел рукой с бокалом: — И напитки прекрасные. Коктейль «Брызги спирулины» мне очень понравился.

Лия рассеянно улыбнулась. Она обводила взглядом толпу, отмечая темно-синие платья и изящные серебряные украшения, элегантно-сдержанные костюмы разных оттенков серого. Цветы на торте притягивали ее, словно капельки крови в бескровной во всех остальных отношениях комнате. Даже загорелые, прекрасной лепки лица в обрамлении блестящих

волос — и с такой замечательно увлажненной кожей — казались ей серыми.

Но кажется, все получилось. Вечеринка удалась.

И не забывать улыбаться. Здоровый дух, здоровое тело.

— Вот вы где! Моя любимая парочка.

— Натали! — Тодд заулыбался и чуть склонил голову в знак приветствия.

Натали изобразила поцелуй, чмокнув воздух где-то около их щек со снисходительностью звезды, которая соглашается, чтобы ее сфотографировали. Сначала Тодда, потом Лию, главное — не коснуться их на самом деле.

— О-о, ты здорово выглядишь... — выдохнул Тодд.

Он все продолжал кивать, и Лии захотелось схватить его голову и держать, только бы он это прекратил.

Впрочем, Натали и правда здорово выглядела. Ее платье-футляр цвета темного индиго мерцало в свете свечей. Оно не просто сидело на ней как влитое — казалось, это саму Натали влили, словно сливочный напиток, в узкий темный сосуд.

Лия улыбнулась, мысленно производя инвентаризацию собственной внешности. Она сравнила свои черные прямые волосы с блестящими темно-русыми кудрями Натали — у той волосы были роскошнее и прямо-таки сияли здоровьем — и свою кожу цвета жженой умбры с ее бледной веснушчатой, больше подверженной вредному воздействию ультрафиолета и угрозе меланомы. Тут у Лии было явное преимущество. И лицо у Натали вытянутое — из-за резко очерченных скул вкупе с большими передними зубами, можно сказать, лошадиное.

Ли и так и не удалось избавиться от детского жирка — щеки у нее остались пухлыми, никаких углов. В детстве она из-за этого расстраивалась, а сейчас ценила. Как и у большинства долгоживущих одного возраста, фигуры женщин были схожи настолько, насколько отличались их лица — практически одинаковое телосложение и мышечный тонус.

— Только не лгите, — хихикнула Натали, — вон какие у меня морщины! — она ткнула пальцем в свою гладкую нарумяненную щеку. — Я знаю, что вы их видите, поэтому обойдемся без вежливого притворства. У меня была жуткая неделя, просто жуткая, месяца три, наверное, вычла из моего срока. Но говорить об этом я не хочу.

Натали замолчала, поджав губы: ясно было, что ей об этом и хотелось поговорить, но все промолчали.

— Кстати, Лия! — воскликнула она ни с того ни с сего. — А как у тебя дела? Ты никогда ничего не рассказываешь, нехорошая девочка! — Натали кокетливо показала глазами на Тодда.

— Знаешь, я бы с радостью завела парочку секретов, но с такими друзьями, как ты...

Они захохотали. Тодд тоже засмеялся, как по команде. Звонкая россыпь их смеха золотой лентой разматывалась над толпой, заставляя людей вертеть головами в поисках источника звуков. До сих пор эти люди были абсолютно уверены в себе и в том, что свое место в этой жизни занимают по праву, но совершенно неожиданно почувствовали, что им явно чего-то не хватает.

К смеющейся троице присоединились друзья, и начался привычный обмен кокетливыми колкостями. Лия, которая ждала повышения, стала

жаловаться, что скоро ей придется больше работать, сумев при этом неназойливо упомянуть о столь важном для нее событии. Почувствовав, что информация дошла до собеседников, она стала ждать реакции. Разумеется, Жасмин тут же рассказала поучительную историю о том, как повышение настраивает коллег против тебя — именно так случилось с ней, когда в своей фирме она первой из долгоживущих добилась поста директора, еще не разменяв сотню.

Тема была исчерпана, и все замолчали, пытаясь найти новую. В руках у некоторых появились планшеты.

— Ну как? — полусшепотом, как заговорщик, спросила Натали. — Вы это видели? — она тряхнула пышными кудрями, от которых пахло кокосом. Шея у нее была упругая и гладкая. «Словно бок скаковой лошади», — подумала Лия.

— Что — это?

Натали закатила глаза и расправила плечи. «Левое плечо у нее чуточку ниже правого», — с удовлетворением отметила Лия. Она тоже выпрямилась, довольная тем, как шелковый топ без рукавов подчеркивает рельефность ее предплечий и симметричность ключиц.

— Это видео, конечно, — сказала Натали.

Все уставились в планшеты, а у Лии по спине пробежал холодок. Она вспомнила жесткий сверкающий взгляд самоубийцы, его непроницаемые глаза, рот, наполняющийся огнем, плоть, исчезающую в коричнево-черно-красных переплетениях дыма и пламени.

— О боже, — произнес высокий мужчина с гладкой, без пор, кожей цвета красного дерева. Он

отхлебнул витаминного коктейля и слегка содрогнулся. — Натали, может, не надо об этом?

«Это новый жених Натали», — вспомнила Лия. Она исподтишка рассмотрела мужчину, оценив его вес, осанку, мышечный тонус. Отметила умные темные глаза, длинные ресницы, изысканную линию высокого лба.

— А что тут такого? Все сейчас только и думают об этом, — возразила Натали.

— Да уж, неудачно вышло, очень неудачно. Мы не можем не думать об этом, — согласился с ней Тодд.

— Вот именно! — в голосе Натали слышалось торжество.

— Он просто больной, — вставил кто-то.

— Отвратительно.

— Несанкционнно.

— Это могут увидеть дети!

— Да что дети, это мы можем увидеть! Кто знает, сколько месяцев жизни теряешь, когда смотришь такое.

— Точно! Представьте, что при этом происходит с уровнем кортизола.

— Просто цирк какой-то.

— Да еще так ужасно! Меня тошнит, едва вспомню об этом.

Лия вдруг как наяву почувствовала едкий запах горячей плоти, уловила дым, который жжет глаза, заставляя их слезиться. Во взгляде самоубийцы читалась неведомая ей твердая убежденность и одновременно глубокая грусть. Внутри у нее что-то сжалось. «Это отвращение, — сказала она себе. — И страх».

— С тобой все в порядке, Лия? — спросил Тодд. — Ты что-то побледнела.

Все посмотрели на нее.

— Да-да, Лия, — подхватила Натали, изображая тревогу. — Раз уж Тодд сказал... Как у тебя с уровнем витамина D, дорогая? Могу посоветовать хорошую клинику, если твоя не очень.

— О, с уровнем витаминов у меня все прекрасно, — усмехнулась Лия, проигнорировав плохо скрытый выпад. — И спасибо, но я не собираюсь менять оператора. Мы с Джесси слишком давно знакомы — ее приписали к нашей семье, когда мою мать назначили старшим вице-президентом.

— Конечно-конечно, — Натали поджала губы и повернулась к остальным.

Будь поприветливее с людьми, от тебя не убудет. Хотя бы попытайся.

«Я пытаюсь, — подумала Лия. — Я пытаюсь». Внутри вспыхнуло раздражение. Она вспомнила лицо матери, тонкие грустные морщинки, идущие от уголков ее глаз. В голове снова зазвучал ее голос: *«Морщины вызваны потерей эластичности кожи в результате износа. Их образование хотя и нельзя предотвратить, но можно задержать, если пользоваться “Восстановителями”».*

Вечная мамина практичность. И не важно, что ее нет в живых уже несколько десятилетий. Spина у нее была прямая до самого конца, пушистые волосы оставались черными. Аккуратную сверхкороткую стрижку поддерживали ежемесячные визиты в парикмахерский салон. Кожа была гораздо эластичнее, чем у ее светлокожих ровесников, которые увяли на десятилетия раньше. Мышцы сохраняли упругость, ступни были гладкие и ухоженные, розовато-лиловые губы оставались полными. Таковы были преимущества поста генерального директора

«Глобал Талант» и доступа к социальным гарантиям «Уровня 4».

Уджу умерла, когда ей было на сорок два года больше, чем Лии сейчас, в сто сорок два. Для поколения тех, кому было за шестьдесят, когда началась Вторая волна, результат хороший. Для Лии же срок жизни в сто сорок два года стал бы провалом. Теперь надо жить как минимум до трехсот.

Не трать зря то, что я дала тебе. Я ведь сделала для тебя все, чего не могла сделать для твоего брата. Теперь голос матери звучал совсем тихо, но Лия уловила в нем ту боль, которая всегда заставляла ее внимательно прислушиваться к маминым словам и грозила разбередить рану, так и не зажившую за столько лет.

Она обвела взглядом комнату — гладкие блестящие стрижки, лбы без морщин, прямые спины. Красивые богатые жизнелюбы негромко разговаривают, вежливо смеются и время от времени чокаются, звеня хрусталем. Лия посмотрела на витаминные коктейли премиум-класса, изящные бокалы, высокие потолки и прекрасный вид на город. Здесь обычно проводятся корпоративные мероприятия, но некоторым сотрудникам трастового фонда «ХелсФин», в котором она работала, разрешалось снимать это место для особых случаев.

Да, она ничего зря не растратила. «Мать наверняка гордилась бы мной», — подумала Лия.

«С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, с днем рожденья, дорогая Лия!»

Раздались аплодисменты. Защелкали камеры, сверкнули вспышки. Лия улыбнулась, как учила ее

Уджу восемьдесят восемь лет назад: «Глаза, обязательно включай глаза, иначе кажется, что улыбка фальшивая».

Она взяла нож и взрезала нижний ярус торта. Полистирол пронзительно заскрипел, когда через него проходил пластиковый нож, и Лия мысленно поморщилась, но улыбка с ее лица не сошла.

Глава вторая

По тротуару двигался сплошной поток коричневого и серого. Мужчины и женщины в пиджаках шли абсолютно одинаково — прижав локти к бокам, опустив головы, устремив взгляд на пятки человека впереди, точно так же спешащего на работу.

Лия не знала, что заставило ее поднять голову. Может, что-то в воздухе — запах лета, переходящего в осень, первый порыв прохлады, коснувшийся ее щек. Может, изящные лодыжки шедшей перед ней женщины, обтянутые темной сеткой чулок. Или остаток возбуждения от вчерашней вечеринки в честь дня ее рождения, или внезапное желание охватить взглядом улицу целиком и бледно-голубое утреннее небо над ней.

Увидев его, она чуть не задохнулась. Он переходил улицу, по которой она как раз шла. Двигался медленно, не осознавая, какой беспорядок вносит в поток пешеходов. Люди сбивались с ритма, сходили с отработанного маршрута, и было заметно, насколько они раздражены. Лия прямо-таки слышала, как они нетерпеливо прищелкивают языками и вздыхают. А он, похоже, ничего не замечал — так и шел себе неторопливо, один тяжелый шаг за другим.

Этот старик, не замечавший окружающих, никак не мог быть ее отцом — и все же она не отрывала от